

Теоретико-методологические основания для изучения идейного поля культовой среды общества

А. Ю. Фадеев, протоиерей (ORCID: 0000-0001-6973-6081)
Пензенская духовная семинария

Большинство исследований в сектоведении затрагивают высокоструктурированные формы нетрадиционной религиозности и оставляют без внимания неинституционализированную часть изучаемого явления. Культовая среда общества как часть объёма нетрадиционной религиозности остаётся довольно аморфной областью по содержанию и своим характеристикам для научного сообщества в целом и теоретического сектоведения в частности. Традиционно само явление описывается набором явлений посредством некоторых обобщений в формате списка: уфология, конспирология, приметы и суеверия, бытовой магизм, астрология и другие мантийные практики. Некоторые специалисты дополняют данный список оккультизмом и эзотерикой, экстрасенсорикой и народной медициной. В рамках социологии религии функциональные особенности культовой среды общества наиболее полно представлены в работах белорусского учёного В. А. Мартиновича. Отдельные феномены изучаются в рамках функционального и феноменологического подходов религиоведами, этнологами, этнолингвистами и социологами. Теологические и богословские исследования, как правило, носят фрагментарный характер и ограничиваются конфессиональным подходом, нередко изобилуют оценочными выводами. Объём, структура и содержание неструктурированной нетрадиционной религиозности тем не менее остаётся «terra incognita» для современной науки. Однако востребованность в общественном дискурсе и витальность самих явлений требует более глубокого внимания и рефлексии научного сообщества. В рамках статьи представлены обобщения многолетних исследований, позволяющие определить механизм генезиса, формы бытования и принципы трансляции отдельных идей культовой среды общества.

Ключевые слова: культовая среда общества, нетрадиционная религиозность, концептуальная интеграция, ментальная репрезентация концепта.

Theoretical and methodological grounds for studying the ideological field of the Cultic Milieu

Andrey Fadeev, Archpriest
Penza Theological Seminary

Most studies in sectology touch on highly structured forms of non-traditional religiosity and ignore the non-institutionalized part of the studied phenomenon. The Cultic Milieu as part of the volume of non-traditional religiosity remains a rather amorphous area in content and its characteristics for the scientific community in general and theoretical sectology in particular. Traditionally, the phenomenon itself is described by a set of phenomena through some generalizations in the list format: ufology, conspiracy, omens and superstitions, household magism, astrology and other mantle practices. Some experts supplement this list with occultism and esotericism, psychic and folk medicine. Within the framework of the sociology of religion, the functional features of the Cultic Milieu are most fully represented in the works of the Belarusian scientist V. A. Martinovich. Individual phenomena are studied within the framework of functional and phenomenological approaches by religious scholars, ethnologists, ethnolinguists and sociologists. Theological and theological studies are usually fragmented and limited to a confessional approach, often abounding in evaluative conclusions. The volume, structure and content of unstructured non-traditional religiosity nevertheless remains "terra incognita" for modern science. However, the demand in public discourse and the vitality of the phenomena themselves requires deeper attention and reflection of the scientific community. Within the framework of the article, generalizations of many years of research are presented, allowing to determine the mechanism of genesis, forms of existence and principles of broadcasting individual ideas of the Cultic Milieu.

Keywords: *the Cultic Milieu, the unconventional religiosity, the conceptual integration, mental representation of the concept.*

Введение. Терминология

На проблему существования некоторого объёма нетрадиционной религиозности, бытующей вне организаций и сообществ, учёные обратили внимание достаточно давно. В двадцатом столетии подобное явление было описано посредством значимых, но довольно общих терминов: замещающая религия, вера без принадлежности, имплицитная религиозность, невидимая религия¹ и другие им подобные. Отрицательные (апофатические) характеристики неинституционализированной религиозности постмодерна делают довольно затруднительным анализ учений, идейного поля, структуры и положений в рамках неявного их функционирования. В 1972 году

¹ Luckmann T. The Invisible Religion. The Problem of Religion in a Modern Society. N. Y.: Macmillan. 1967. P. 34.

социолог из Йорка Колин Кэмпбэлл предположил, что нетрадиционная религиозность во всех её формах имеет в своей основе некое объединяющее начало, которое автор назвал культовой средой общества: культурное подполье общества – широкое и глубокое с историческими корнями, которое включает в себя все девиантные системы убеждений и связанные с ними практики¹. Далее, автор перечислил составные части данного явления: неортодоксальная наука, чужеродная и еретическая религия, девиантная медицина². По мнению К. Кэмпбэлла, культовая среда постоянно рождает новые культы, поглощая обломки мёртвых и создавая их новые формы³.

Исследования В. А. Мартиновича позволили уточнить и расширить представления о культовой среде общества: «вся сфера неинституционализированной нетрадиционной религиозности, состоящая из сектантских идей и ритуальных практик, разделяемых и исполняемых людьми в индивидуальном порядке вне контекста какой-либо группы»⁴. В системе воспроизводства нетрадиционной религиозности В. А. Мартиновича культовая среда общества является основанием и онтологической причиной всего спектра структурированных видов сектантства. Объём и степень влияния культовой среды на окружающее общество кратно превосходит все другие виды нетрадиционной религиозности вместе взятые. Пожалуй, самым значимым тезисом белорусского учёного для дальнейших исследований является утверждение, что культовая среда ограничена вариативностью идей, востребованных в любой временной период среди её носителей. Другими словами, предметом изучения культовой среды выступают её идеи, ограниченные синхронным срезом в данный момент. В таком случае, идеи не актуальные в настоящий момент, всего лишь объём исторических данных⁵. Не менее важным открытием в исследованиях белорусского социолога, является предположение об амбивалентности многих идей культовой среды, которые способны спорадически утрачивать (и приобретать) религиозные характеристики.

Пилотное исследование

Изучение культовой среды общества требует, как минимум, конкретизации тематически неопределённого поля данного явления, выделения тем и тематических областей, которые можно с той или иной степенью досто-

¹ *Campbell C.* The Cult, the Cultic Milieu and Secularization // *A Sociological Yearbook of Religion in Britain*. 1972, №5. P. 122.

² *Ibid.*

³ *Фадеев А. Ю.*, прот. Индивидуальная религиозность в исследованиях Колина Кэмпбэлла // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2023. № 42. – С.95–107.

⁴ *Фадеев А. Ю.*, прот. Концепция культовой среды общества в исследованиях В.А. Мартиновича // *Труды Саратовской православной духовной семинарии*. 2022. № 3 (18). – С. 7–19.

⁵ *Мартинович В. А.* Сектантство: воспроизведение и миграция / Предисл. Л. И. Григорьевой. – М.: Издательский дом «Познание», 2018. – С.52.

верности относить к изучаемому вопросу. Изучение культовой среды общества осложняется, прежде всего, проблемой выявления актуальных тем в синхронном срезе для конкретной локации. Соответственно, чем шире локационные и временные параметры, тем сложнее выявление актуальных тем культовой среды. Пилотное исследование, направленное на создание валидной классификации тематического разнообразия культовой среды общества, состояло из двух этапов:

- сплошной контент-анализ периодических средств массовой информации в рамках методологически обусловленных параметров локации и времени;

- мониторинг СМИ и социальных сетей, позволяющий анализировать синхронный срез информационного поля, формировать отчёты в форме визуализированных данных в виде графиков и диаграмм в конкретном регионе в заданный промежуток времени.

В результате проделанной работы была создана авторская классификация (темпорально-локационная), которая включает восемь тематических полей культовой среды общества: фольклор-религия, мантии, народная медицина, уфология, таинственные существа, ориентальные заимствования, сакральная география, сверхъестественные свойства человека. Очевидно, что вариативность выявленных тем не является универсальной и детерминирована локацией и периодом исследования. Выводы, методы и обоснование созданной классификации содержится в отдельной монографии¹.

Идея культовой среды в качестве ментального концепта

До настоящего времени не было предпринято попыток выявить механизм появления идей культовой среды посредством ментальных репрезентаций индивида. Наиболее релевантный фрагмент мировоззрения для нашего исследования – это понятие *концепта*, так как именно в его рамках происходит формирование и трансляция идей культовой среды.² Концепт в данном случае – когнитивная структура для схематизации знания или полученного нового опыта в его когерентности с привычным. Человек думает не посредством слов, а с помощью интериоризированных концептов. В отличие от понятия, которое включает конвенционально одобренное содержание, концепт всегда сугубо индивидуален и помимо рациональных и общепринятых характеристик содержит личные эмоции, оценочные суждения и стереотипы. Теория концептуальной интеграции в рамках когнитивной лингвистики предполагает возможность лингвистической репрезентации любого понятия с помощью некоего наглядного инструмента – мен-

¹ *Фадеев А. Ю.*, прот. Тематическое разнообразие культовой среды общества на примере анализа СМИ и социальных сетей Пензенского региона : монография. – Пенза, 2025. – 90 с.

² *Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В. А. Маслова. – Мн.: Тетра-Системс, 2004. – 256 с.

тального пространства¹. В отличие от понятия, концепт обусловлен эмоциональным и оценочным ореолом в качестве ассоциаций, фоновых знаний, которые сопровождает слово или выражаемое им понятие. Ментальное пространство в графической форме может отражать содержание не только вербальных концептов, но и визуальных, акустических и семиотических вариантов. Любая культовая идея изначально включает как минимум два исходных ментальных пространства, исходных данных двух концептов, которые интегрируются сознанием. Продукт соединения, или новый концепт, содержит не просто сумму исходных (материнских) характеристик, а некий объём сверхсуммативных (новых), которые привносят признак эмерджентности новой когнитивной структуре. Если эти новые признаки (суммарно с исходными) имеют религиозные и/или мифологические характеристики, то, несомненно, данный концепт следует относить к области идей культовой среды общества. В рамках нашего исследования были демаркированы понятия *идея* и *концепт*. Идея в данном случае имеет более широкое и объёмное значение, без конкретизации содержания – своего рода прототип. Например, идея снежного человека или идея палеоконтакта с внесемными цивилизациями. Концепт – конкретный фиксированный вариант идеи в форме репрезентации (графической) ментального пространства с включёнными лексическими константами.

Религиозные элементы достаточно легко идентифицировать в рамках теологического подхода и доктринальной аксиоматики. В предложенной методике мы ограничиваемся конфессиональным подходом в формате систематического православного богословия, включающего предметные области: сотериологию, эсхатологию, антропологию, космогонию, космологию. Религиозные элементы эксплицируются и анализируются в ментальных пространствах посредством упомянутых вероучительных доктрин.

Мифо-магические элементы в ментальных пространствах подлежат анализу в рамках структурно-семиотического подхода², где выявляются бинарные оппозиции мифологического дискурса, наличие безличной космогонической силы, медиаторы и апелляция к мифологическому хронотопу. Данный подход выявления механизма мифологического мышления и соответствующего когнитивного конструирования неоднократно находил подтверждение в трудах отечественных и зарубежных учёных³.

¹ См.: *Леви-Стросс К.* Структурная антропология / Под ред. В. В. Иванова. – М.: 1985. – 399 с.; *Леви-Стросс К.* Мифологии: сырое и приготовленное. – М.: ООО «Издательский дом "Флюид"», 2006. – 399 с.

² *Топоров В. Н.* Космогонические мифы. МНМ, т. 2. – С.7; *Евзлин М.* Космогония и ритуал. М.: РДИКС, 1993. – С. 134; *Мелетинский В. Н.* Поэтика мифа. – С.85, 168.

³ Например: домовый – проекция элементов домашнего обихода в область деперсонифицированного сверхъестественного существа из области низшего демонария; водяной – акватические элементы проецируются на сверхъестественное; леший – элементы локации леса проецируются в область сверхъестественного; трясавица, кашля, краснуха – проекция физиологических признаков болезни на иноприродное существо и т. д.

Древние варианты мифопоэтики, как правило, проецировали характеристики окружающего мира в область сверхъестественного¹. Исключением являются контактная магия, где верификационным признаком выступает исключительно наличие первосилы космогонии, и мантийные практики, в которых происходит двойное проецирование характеристик – с объекта предсказания (медиатора) в область мифа и обратно. Современные варианты тождественной тематики включают элементы современного естествознания (реалии окружающей действительности) и религиозные (мифо-магические) элементы, что отражено в статьях автора².

Отдельного внимания заслуживают варианты транспонирования исключительно религиозных (мифологических) элементов между ментальными пространствами, не содержащими светских (безрелигиозных) элементов. В подобном случае верификации подлежат сами религиозные или мифологические элементы и их соотношение в рамках доктринальной целостности соответствующего мировоззрения (религиозного или мифологического). Синтез одного религиозного элемента с тождественным заимствованием из другой доктринальной системы, как правило, создаёт религиозную (мифологическую) девиацию, что позволяет концепт идентифицировать в качестве объекта нетрадиционной религиозности³.

Обобщения

Наследие мифо-магического прошлого нашей культуры в его первичных значениях перестаёт для многих быть актуальным, но формы и символы стабильно транслируются из поколения в поколение. Теряя свои прежние магические значения, они трансформируются в суеверные табу и фобии в значении социальных практик или остаточных форм фольклора. Реконструкция семиотических знаков в фольклорном наследии славяно-русской традиции, а также выделение базовых мифологем и связанных с ними бинарных оппозиций позволяет установить полный набор маркеров, которые продолжают и в настоящее время регулировать поведение современного

¹ См.: *Фадеев А. Ю.*, прот. Интеграция ментальных пространств на примере концепта культовой среды «снежный человек» // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2024. 1 (24). С. 11–31; *Фадеев А. Ю.*, прот. Метод концептуальной интеграции в рамках генезиса идей культовой среды общества: на примере «лох-несское чудовище» // Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии. 2024, № 2(32). С. 89–104; *Фадеев А. Ю.*, прот. Теория концептуальной интеграции в рамках изучения культовой среды общества на примере уфологии // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2024. № 4(27). С. 11–28.

² Например, синтез библейского сюжета с идеей метампсихоза или кармы из ведической культуры.

³ Концептуальная интеграция между ментальными пространствами осуществляется посредством двух форм: блендинг и мэппинг. Мэппинг – метафорическое или метонимическое отображение между двумя ментальными пространствами. Блендинг – перенос значений между двумя и более ментальными пространствами посредством формирования экстралингвистических значений (синонимы и их семантические расширения).

человека в повседневных суеверных практиках. Предложенная методика позволяет эксплицировать именно религиозные (мифологические) компоненты в ментальной конструкции, демаркировав таким образом идеи светского (безрелигиозного) характера от идей культовой среды. Не все «религиоподобные» идеи содержат механизм мифологического мышления, но и не все идеи из области культуры утратили религиозную основу. Разграничение значений *идея* и *концепт* позволяет подвергать анализу не вообще некое аморфное явление или действие (вынос символического караваев уважаемому гостю или метание монет (зёрен) над головами новобрачных), а конкретную репрезентацию на индивидуальном уровне. То есть одно и то же действие или явление может интерпретироваться каждым отдельным человеком в разном содержании. Именно конкретный вариант восприятия актора (концепт) подлежит лексической фиксации и дальнейшему анализу элементов ментальных пространств. Так, например, концепт «лох-несское чудовище» содержит только одну интегрированную характеристику, которая послужила основой для трансформации данной идеи из области околонучной гипотезы в область религиозного феномена. Причиной возникновения ирреальных элементов и характеристик в создаваемых сознанием концептах является наличие «эмоционального» зазора между конвенционально принятыми понятиями. Это область субъективного восприятия значений и их семантической интерпретации, которая в зависимости от когнитивных и психологических особенностей может расширяться до бесконечности. Однако слишком необычные (онтологически противоречивые) концепты мало популярны и не витальны в общественном восприятии.

Разработанная методика позволила объяснить внутренний механизм такого явления, как внутрицерковное (периферийное) сектантство, которое также можно условно назвать «Православие плюс». В последнем, помимо традиционных религиозных базовых положений, существуют дополнительный(е) элемент(ы). Так, например, в рамках концептуальной интеграции православная эсхатология дополняется элементом из области современных технологий – штрих-код (вакцинация, технология 5G). Исходный технологический элемент можно представить в качестве ментального пространства, выявить его структуру и включённые характеристики, свойства переноса и последующей интерпретации внутри уже конечного «бленда», относящегося к нетрадиционной форме религиозности⁹.

Ментальные процессы, формирующие магические практики и связанные с ними верования, универсальны и когерентны одним и тем же закономерностям в диахронной перспективе. Предложенный подход может использоваться в рамках когнитивной реконструкции для выявления ментальных пространств тематического разнообразия культовой среды в её современных формах.

Литература

1. Евзлин М. Космогония и ритуал. – М.: РДИКС, 1993. – 344с.
2. Леви-Стросс К. Структурная антропология/ Под ред. В. В. Иванова. – М.: 1985. – 399 с.
3. Леви-Стросс К. Мифологии: сырое и приготовленное. – М.: ООО «Издательский дом "Флюид"», 2006. – 399 с.
4. Мелетинский В. Н. Поэтика мифа. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 407 с.
5. Мартинович В. А. Сектантство: воспроизведение и миграция / Предисл. Л. И. Григорьевой. – М.: Издательский дом «Познание», 2018. – 552 с.
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В. А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
7. Топоров В. Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. МНМ, – т. 2. – С. 6–9.
8. Фадеев А. Ю., прот. Концепция культовой среды общества в исследованиях В. А. Мартиновича // Труды Саратовской православной духовной семинарии. – 2022. – № 3 (18). – С. 7–19.
9. Фадеев А. Ю., прот. Индивидуальная религиозность в исследованиях Колина Кэмпбэлла // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2023. – № 42. – С.95–107.
10. Фадеев А. Ю., прот. Интеграция ментальных пространств на примере концепта культовой среды «снежный человек» // Труды Саратовской православной духовной семинарии. – 2024. – 1 (24). – С.11–31.
11. Фадеев А. Ю., прот. Метод концептуальной интеграции в рамках генезиса идей культовой среды общества: на примере «лох-несское чудовище» // Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии. – 2024. – № 2(32). – С.89–104.
12. Фадеев А. Ю., прот. Теория концептуальной интеграции в рамках изучения культовой среды общества на примере уфологии // Труды Саратовской православной духовной семинарии. – 2024. – № 4(27). – С.11–28.
13. Фадеев А. Ю., прот. Тематическое разнообразие культовой среды общества на примере анализа СМИ и социальных сетей Пензенского региона : монография. – Пенза, 2025. – 90 с.
14. Campbell C. The Cult, the Cultic Milieu and Secularization // A Sociological Yearbook of Religion in Britain. – 1972. – No 5. – P. 119–136.
15. Luckmann T. The Invisible Religion. The Problem of Religion in a Modern Society. – New York; London, Macmillan Publ., 1967. – 128 p.